

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ АН СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

СЕРИЯ А

Документ № 19

И.Г.ОСТРОУХ, Е.А.ШЕРВУД.
Меннониты Оренбургской области.

Москва 1991

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В СССР

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не являться официальной позицией Института.

При использовании ссылки на материалы обязательна.

Редакционная группа: Ю.Д. Анчабадзе

Н.А. Лопуленко

С.В. Чешко

Меннониты Оренбургской области

Объектом полевого исследования 1990 г. в Александровском районе Оренбургской области были потомки меннонитов той ветви меннонитского движения, которая, оторвавшись от нидерландской материнской основы, особняком прижилась в Польше, а затем в России. Наиболее тщательно изучалось население Хортицкого хозяйства Александровского района.

Эта этническая группа складывалась в условиях эмиграции. Важнейшими предпосылками ее формирования стали эмиграционные и миграционные процессы, эндогамная обособленность, сельский локальный образ жизни в иноэтничной и иноконфессиональной среде. Окружающие именуют их немцами. Но верно ли это?

Меннонитство возникло в 30-х годах XVI века в ходе движения Реформации в Нидерландах, в котором принимали участие радикальные и умеренные анабаптисты. Из анабаптистских элементов, отрицавших применение силы, а также из лиц, пришедших к непротивленчеству, и оформилось особое течение, главными направлениями которого аббеизм и меннонитство.

Новая секта была названа по имени ее главного идейного лидера - Менно Сименса (1). Наибольших успехов в своей деятельности она добилась в Голландии: Фрисландии, Фландрии и Брабанте, а за пределами Нидерландов - в Восточной Фрисландии и Северной Германии.

Первая волна их эмиграции пришлась на 40-50-е годы XVI в. Она была вызвана усилением борьбы католической церкви против нарождающегося протестантизма и отдельных его ответвлений. С 1521 по 1566 гг. в стране было казнено и изгнано из нее свыше 50 тыс. человек. Большинство изгнанников осело в Восточной Фрисландии и Северной Германии. Впоследствии, спасаясь от преследований инквизиции, они перебрались в Восточную и Западную Пруссию. Туда же устремились меннонитские эмигранты непосредственно из Голландии.

Вторая, более крупная волна эмиграции меннонитов, нача-

лась со времен испанской оккупации Нидерландов в 1567 году.

С конца 40-х годов XVII в. меннониты, выходцы из Нидерландов, поселились в большинстве своем в сельской местности Мариенвердерской низменности, в районе Гданьска, Мильборга, Эльблонга, Грундзвендза, т.е. на землях, которые не только исторически, но и этнически были польскими. Немецкие же переселенцы как правило оседали в городах и лишь незначительная часть – в сельской местности (2).

Общины меннонитов в Гданьском Поморье просуществовали почти 100 лет. Польское население представляло там к тому времени этническое большинство, а немецкое не превышало 30% общего числа населения. При этом в последнюю категорию включались другие неславянские этнические группы, а также меннониты (3).

Влияние немцев на меннонитов в Привисленском Поморье не могло быть большим, поскольку последние жили территориально обособленно. Кроме того, для осуществления насильственной ассимиляции немецкие колонисты должны были иметь привилегированное положение по сравнению с меннонитами, чего в Гданьском Поморье не было.

Немецкие колонисты не обладали также и экономическими средствами для онемечения меннонитов.

Прибывшие в Польшу немецкие и другие колонисты заключали контракты на владение наделами сроком на 30–60 лет. По истечении этого срока предусматривалось либо возобновление договора на тех же условиях, либо, в случае несогласия сторон, выдача компенсации колонисту за постройки, возведенные им на арендованном наделе. Продавать или закладывать землю колонист не имел права, т.к. 40% ее (особенно в королевской Пруссии) находилось во владении короля, 20% – у духовенства и 31% принадлежал шляхте. Лишь 9,7% земли были в собственности немецких мещан.

Немаловажное значение имеет и тот факт, что немецкое земледелие в своем развитии значительно уступало нидерландскому. Данный фактор также ставил меннонитов, успешно применявших в низовьях Вислы более высокий по сравнению с

немецким агрикультурный опыт, вне зависимости от немецких колонистов в Польше (4).

Когда же возникли условия для онемечения меннонитов и значительные районы Западной Пруссии были онемечены, то меннониты Гданьской области оказались вне этой насильственной ассимиляции, т.к. данная область отошла к прусскому государству после второго раздела Польши (1793 г.), накануне которого первая партия меннонитов переселилась в Россию. После второго раздела Польши оставшиеся там меннониты были лишены прусским правительством права приобретать земельную собственность. На это они ответили эмиграцией в Россию, которая наиболее интенсивно проходила в первые 20 лет после второго раздела Польши. Онемечению подверглись только те меннониты, которые остались в прусском государстве (5).

Эмиграции меннонитов из Пруссии способствовало приглашение царским правительством иностранцев на поселение в Россию по "колониационному манифесту", изданному в 1763 году и по именному указу Екатерины 11 от 7 сентября 1787 год.

Первая партия меннонитов из 288 семейств поселилась в 1789 году на правом берегу Днепра в районе острова Хортицы, где основала 8 колоний – Хортицу, Резенталь, Эйнлаг, Кронсвейде, Нойенбург и др., впоследствии объединенных в Хортицкий меннонистский округ. В течение 1803–1804 гг. прибыло 362 семейства, для которых были отведены обширные безлесные земли в Таврической губернии около реки Молочные Воды. Здесь возникли колонии Гальбштадт, Лентау, Шенау, Линденау, Лихтенау, Фишау, Мюнстерберг, Орлов и др., на основе которых был образован Молочанский меннонистский округ. В 1819–1820 гг. на молочанские земли приехали еще 254 семейства. В дальнейшем сюда ежегодно эмигрировало в среднем до 20 семейств. В течение 75 лет – с 1842 по 1917 гг. – количество меннонитов в России увеличилось с 17439 человек до более чем 100 тысяч человек.

К началу 50-х годов прошлого столетия в хортицких колониях возник земельный кризис. Постоянный прирост населения заставлял искать для покупки все новые и новые земли. Их стали приобретать в Саратовской, Самарской, Оренбургской, Уфимс-

кой, Томской, Омской и других губерниях Сибири, а также в Туркестане. К 1916 году во владениях меннонитов в России находилось свыше одного миллиона десятин земли (6).

В 1894-1895 гг. первые переселенцы из Хортицкого и Молочанского меннонитских округов поселились в Западном Оренбурге (деревни: Петровка, Хортица, Ждановка, Канцеровка, Кичкас и др.).

Меннониты селились отдельно не только от русских, татар, казахов, но и от немцев (католиков, лютеран, баптистов).

При опросах населения, в Хортицком хозяйстве все опрашиваемые в общих чертах сохранили память об истории их переселений и называли районами исхода Голландию и Пруссию. В музее села Хортица висит самодельная карта миграции предков местных жителей, подтверждающая исторические данные. По сообщению проповедника местной общины, меннониты, переселившиеся с Украины в Оренбургскую область, заняли пустующие земли, взяв их в аренду, а впоследствии выкупив их у помещика Субботина. Все строилось своими руками. Камни для постройки домов брались за 4 км от места строительства. Некоторые из этих добротных домов стоят и поныне. Новые дома - тоже из камня - сохраняют ту же планировку, хотя немного увеличены в объеме.

У меннонитов сельская и религиозная общины территориально совпадали, кроме того сельская община, как правило, совпадала с колонией (основной территориальной единицей), в которой она функционировала как социальная система. Община выступала как правовая и в то же время высшая инстанция, как законообразующая и контролирующая организация.

"Община - собственник" являлась и светской формой общественного устройства (7), а сельский приказ являлся единственным постоянным органом светской власти. Община была одновременно и колонией, которая представляла социальное объединение собственников дворохозяев. Дворохозяйство состояло из двора с жилищем, в среднем с 5-десятинным земельным наделом и долей в использовании выпасов и других непахотных земель, не делившихся общиной.

Сельская меннонитская поземельная община юридически являлась коллективным собственником земли, переданной меннонитам в вечное потомственное пользование. В отличие от сельской общины, где полноправным членом считался хозяин полного (65-десятинного) надела, религиозная община считала меннонитом каждого колониста, принявшего крещение по вере, независимо от его социального и имущественного положения, но непременно из своей этнической среды. Таким образом принадлежность колонистов к религиозной общине совпадала с их принадлежностью к сельской, в которую они были интегрированы по конфессиональному признаку. Отлучение от меннонитской церкви означало лишение всех прав и привилегий меннонита и вело к его изгнанию из колонии. Принимались же в местные приходские общины только те лица, которые полностью воспринимали меннонитский образ жизни.

Следование библейским предписаниям и одна из религиозных обязанностей вынуждали подавляющее большинство меннонитов как в Нидерландах, Польше, Пруссии, так и в дореволюционной России заниматься земледелием. Такая этноконфессиональная особенность трудовой ориентации, хозяйственной и профессиональной специализации сохранилась у потомков меннонитов до настоящего времени.

По данным Хортицских хозяйственных книг, старшее и среднее поколения не только компактно проживают в сельской местности, но и заняты крестьянским трудом. Однако за последнее десятилетие среди молодежи наметилась тенденция отхода от привычного профессионально-хозяйственного уклада.

Рабочие профессии и работа в сфере обслуживания дают больше возможности для выхода за пределы сельской общины и изменения места жительства; они менее связывают с привычным образом жизни, создавшимся веками предками нынешнего молодого поколения.

Однако, несмотря на некоторые сдвиги в профессиональной ориентации, приводящие к размыванию повседневного уклада жизни, выбор брачного партнера в целом происходит в том же сельском кругу. Да и сами носители рабочих профессий чаще всего используются в сельском хозяйстве. Создаются професси-

онально-смешанные семьи - полусельские-полурабочие. Браки интеллигенции (учителей, инженеров, студентов) с представителями иных слоев населения - редки. Объясняется это недостаточностью среди рассматриваемого населения кадровой интеллигенции.

Конкуренция в области занятости, распределения доходных и престижных мест, материальных и социальных благ и т.п. внутри этнической общности отсутствует. Данное обстоятельство объясняется компактностью проживания и исторически сложившимися условиями выживания этой общности.

В районах компактного проживания меннониты преобладают в государственных, правоохранительных и хозяйственных органах. Так, например, места в Хортицком сельсовете распределяются следующим образом - из 9 членов исполкома 8 являются представителями местной национальности.

Преградой на пути естественной ассимиляции меннонитов прежде всего было конфессиональное запрещение браков с неменнонитами. Супруги должны были быть оба из числа "избранников божьих" и получить согласие общины на свой брак, ритуальное утверждение которого совершалось на своеобразном богослужении. В процессе складывания этноконфессиональной общности меннонитов из различных этнических групп это явилось своеобразным интегратором этнических свойств этих групп, все более и более превращая их в замкнутую общность. С другой стороны, она выступала в качестве такого барьера, который исключал возможность ассимиляции меннонитов и их потомков каким-либо другим народом, обрекая их на изоляцию не только в культурном, но и в генетическом отношении.

В течение более чем четырех столетий, если и заключались смешанные браки, то они были преимущественно внутри своей конфессиональной общности, т.е. браки с меннонитами - фламандцами, голландцами, фризами или нижними саксонцами, то есть с выходцами из близких по языку и культуре народов того времени. И хотя ни одна из этих этнических групп не была численно преобладающей, есть все основания считать, что на основе их синтеза происходило формирование новой этнической общности.

И в Польше и в России брак у меннонитов стал одновременно выступать в роли этнического отграничителя, поскольку здесь они оказались перед совершенно иной антитезой "мы" - "они", чем у себя на родине. Там эта антитеза имела только конфессиональные различия, здесь к ним добавились этнокультурные. В Польше те общины, которые допускали смешанные браки, презрительно назывались меннонитами "навозной телегой". В России меннониты исключали из общины тех, кто вступал в брак с иноверцами.

Эта почти полная брачная изолированность меннонитов подтверждается не только их этнической историей в Польше и России, но и их современной жизнью, например, в парагвайском Чако, в США и Канаде (8).

Меннониты Оренбургской области до 50-60-х годов нашего века также придерживались эндогамности. Более того, наличествует территориальная эндогамность, предпочитают выбирать партнера из одного села. Однако в последние десятилетия (особенно у потомков братских общин) началось ее размывание.

За период 1981-1990 гг. среди 61 браков, заключенных в с. Хортица, насчитывается 23 национально-смешанных. При этом предпочитали брать супруга или супругу из русского населения. Предпочитают вступать в брак в возрасте 20-22 лет. Разводов мало и все они наблюдаются в смешанных браках. Количество заключаемых браков с годами снижается, что очевидно связано с отъездом молодежи за рубеж и со снижением рождаемости детей. В среднем в семьях рождаются 3 ребенка, хотя есть семьи и с 5-6 детьми. Родители с выросшими детьми живут вместе или отдельно, смотря по обстоятельствам.

Религиозная община меннонитов на приходском собрании избирала из своих прихожан служителей культа: духовных старшин, проповедников и дьяконов. Обряд ординации (рукоположения) для меннонитов, в отличие от католиков, не являлся таинством. Крещение, отлучение, хлебопреломление играли в религиозной общине меннонитов интегрирующую функцию.

Отлучение выступало и как этноизолирующий фактор. Отлученный автоматически исключался и из светской общины и лишался своей собственности. Так было в Польше и

России; так происходит поныне в Канаде, странах латинской Америки. К участию в ритуальной трапезе и поныне не допускается никто из "грешного мира". С членами "грешного мира" уравниваются и меннониты, совершившие какой-либо грех, и поэтому не допускающиеся к хлебопреломлению до тех пор, пока во всеуслышание не раскаются в своих прегрешениях. Поныне согрешившие каются вслух при всех прихожанах в своих грехах, а община молится за них.

Таким образом в меннонитских колониях существовала двуединая основа их функционирования - в виде религиозной и светской организации, которые в реальной жизни не только не являлись обособленными и независимыми, но, наоборот, существование одной предполагало наличие другой. В качестве внутренних связей этих общин выступал сложный комплекс социальных, семейно-брачных и ритуально-обрядовых отношений, узаконенных меннонитскими традициями. За их соблюдением следили не только выбранные меннонитами соответствующие светские и церковные органы, но и община в целом.

Эта двусторонняя связь, возникавшая при известной организующей роли церкви между одной микрорелигиозной единицей и одной конфессией, существовала долгое время. Она отражалась в сознании меннонитов неадекватно. Примером такого восприятия действительности является идентификация ими религиозной и национальной принадлежности еще в 50-е годы XX в. Немцы о меннонитах, живущих в СССР, говорили, что если кого-либо из них называют меннонитом, то это еще не говорит о его религиозности. А некоторые неверующие выходцы из меннонитов не только именовали себя "меннонитами", но и представляли данное название в официальных документах против графы "национальность" (9).

Однако эта идентификация, как и всякое отождествление религиозной общности с национальной, теоретически и практически неприемлема. Совпадение национальной принадлежности с конфессиональной не означает их тождества или нераздельности, поскольку эти понятия фактически неотожествимы. В действительности мы имеем дело не с идентификацией как таковой, а с подменой ею связи, имеющей место между конфес-

сиональной и национальной принадлежностью.

В свою очередь сама эта связь исторически преходяща. Это подтверждается в данном случае хотя бы тем фактом, что меннониты в Голландии на стадии своего становления, стремясь отмежеваться от анабаптизма, принимали персонифицированное название "меннониты". После издания "Акта веротерпимости" (1578 г.) они отрецивались от этого названия, именуя себя "верокрещенцами" или "крестящимися по вере" (Doopsgezinde). С 1801 г. это название в Голландии узаконивается, а персонифицированное наименование "меннониты" закрепилось лишь за той частью меннонитства, которая оказалась в эмиграции.

Потомки меннонитов Оренбургской области (в особенности старшее поколение) довольно отчетливо отделяют себя от других немцев, живущих в СССР, и тем более от немцев ФРГ. Они не осознают себя и голландцами. До конца 70-х годов нашего века, когда им необходимо было определить свою национальную принадлежность, то не имея этнонима некоторые из них употребляли в качестве такового конфессиональное самоназвание своей особой принадлежности к определенному укладу жизни, образу мышления, обычаям и традициям, которые вместе с языком отличали их от русских, немцев и других народов. В данном случае наблюдается отражение прежнего укоренившегося совпадения религиозной и этнической принадлежности в одном конфессиональном названии "меннониты". Это совпадение складывалось на протяжении четырех веков наряду с процессом, синтезировавшим различные этнические группы (голландцев, фламандцев, фризов, северных немцев).

Но были случаи, когда после Великой Отечественной войны дети меннонитов, уезжая учиться в город и получая там паспорт, по совету родителей записывались "голландцами", т.к. национальность "немцы" вызывала негативную реакцию у окружающих и часто усложняла устройство на работу.

В 60-70-е годы наметилось сближение меннонитов с немецким населением СССР. Усилились связи с другими протестантскими церквями. В селе Николай-поле Омской области "церковные" меннониты и лютеране проводили совместные богослужения. Усилилась межконфессиональная консолидация с баптистами-немцами. Обращаясь к жизни меннонитов - эмигрантов из СССР в ФРГ (о проблеме эмиграции меннонитов будет сказано дальше),

надо отметить, что первыми эмигрировали представители братских общин. О межконфессиональной консолидации говорит и тот факт, что рассказывая о своих родственниках, живущих в ФРГ, жители села Хортица, говорили, что они посещают протестантские церкви.

Проблема отождествления меннонитов с немцами относится к одной из сложнейших. Нам могут возразить, что меннониты, поселившись в России, сами называли и продолжают называть себя немцами, как это имело место в 1918 году. Однако, на наш взгляд, на определение национальной принадлежности меннонитов нередко оказывали влияние политические соображения, стремление оградиться от национальной дискриминации. Напомним, что вскоре после окончания первой мировой войны меннониты снова стали отстаивать тезис о своем "голландском" происхождении. Например, возникший в 20-х годах меннонитский кооператив "Союз голландских выходцев на Украине" выбросил лозунг: "В наших жилах не течет ни капли немецкой крови!" А вот что говорят официальные данные. В Канаде, например, по переписи 1961 г. насчитывалось 152 тыс. меннонитов. Из них 48,5% отнесли себя к лицам немецкого происхождения (в большинстве своем — южногерманские и германо-швейцарские), 38,2% — голландского, 6,2% — русского ("русскими меннонитами" называли выходцев из нашей страны после 1874 и 1917 гг. (10). Из приведенной статистики видно, что меннониты, предки которых вышли из Нидерландов, не склонны считать себя немцами.

Меннониты, эмигрировав из СССР, выехали в основном не в Германию, а в Канаду и в страны Латинской Америки к меннонитам, покинувшим Россию в 1874-1876 гг. Да и многие из тех, кто остались в Германии, впоследствии переехали в эти же страны к тем меннонитам, с какими связывали их чувства общности происхождения, этнического родства, общности языка и религии, сохранившиеся в той или иной мере традиции.

Если коснуться проблемы официального определения национальной принадлежности меннонитов и их потомков и непосредственного их самоопределения, то, чтобы понять все сложности

этой проблемы и современное ее состояние, необходимо углубиться в ее историю.

В нашей стране и в научной литературе и в обыденной жизни меннонитов и их потомков обычно именуют немцами. В приписывании меннонитам немецкой национальности сыграла роль привычка издавна называть немцами иностранцев, приехавших в Россию. В официальных документах и литературе, за редким исключением, они чаще всего именуются меннонитами. В пореформенное время клерикальная печать почти безоговорочно начинает причислять их к немцам на основании концепции онемечения меннонитов в Польше (11).

В Прусском государстве, особенно после второго раздела Польши, в меннонитских колониях своеобразно складывались экономические и связанные с ними идеологические отношения. Разрушение их вызывало прекращение обособленности меннонитов. Примером этого и был процесс разрушения обособленности не эмигрировавших общин меннонитов, проводившийся насильственными методами в Прусском государстве. Это был процесс их онемечивания, особенно прогрессирующий после ликвидации меннонитских привилегий.

Когда после первого раздела Польши значительные районы Западной Пруссии были онемечены посредством продажи и пожалования государственных земель немецким колонистам, то меннониты Гданьской области оказались вне этой насильственной ассимиляции. Данная область отошла к Прусскому государству только после второго раздела Польши.

После второго раздела Польши прусское правительство лишило оставшихся меннонитов права приобретать земельную собственность. Исключение делалось только для тех меннонитов, которые соглашались отбывать воинскую повинность. В декабре 1801 г. прусское правительство издало декларацию, вводящую дополнительные ограничения для землевладения меннонитов. По этой декларации, меннониты, отбывшие воинскую повинность, могли приобретать недвижимое имущество наравне с прочими "христианскими подданными подобного им звания". Декларация предусматривала также систему мер, реализация которых сводила на нет земельные владения меннонитов, отказывавшихся от воинской службы (12).

Те из меннонитов, которые имели земельную собственность, в большинстве своем приняли и указ 1789 г. и декларацию, отказавшись от меннонитской социально-политической доктрины, в том числе от основных принципов — "не служить в армии", "не принимать присяги" и т.п. Безземельные же массы и налоимущие ортодоксы, выступая в защиту своей социально-богословской доктрины, сулившей им материальные выгоды, ответили на эти законы эмиграцией, которая наиболее интенсивно проходила в первые 20 лет после второго раздела Польши. Дальнейшие ущемления экономических интересов меннонитов заставили и более захиточную их часть эмигрировать в Россию.

Схожая с вышеприведенной ситуация сложилась и в России, когда в 1874 г. был введен закон о всеобщей воинской повинности. Он вызвал эмиграцию меннонитов в Америку и Канаду, которая продолжалась до 1880 г. В этом году российское правительство, которое в отличие от прусского не принимало никаких экономических санкций против меннонитов, издало постановление, по которому меннониты, освобождаясь от ношения оружия, обязывались отбывать сроки военной службы в особых лесных командах ведомства государственных имуществ. Эмиграция была остановлена, хотя за этот период из России выехало около 15 тыс. меннонитов.

Итак, онемечению подверглись меннониты, оставшиеся в прусском государстве, а не те, которых угроза насильственного онемечения заставила решиться на очередную эмиграцию.

Онемечение меннонитов значительно ослабило в Польше исторически сложившееся у них переплетение религиозной и этнической принадлежности. При этом религиозная принадлежность постепенно утратила значение этнического определителя. Прежние связи конфессиональных особенностей с культурно-бытовыми особенностями, несомненно, некоторое время сохранялись. Однако в ходе ассимиляции меннонитов в Польше начали складываться новые связи между конфессией и теперь уже национальной принадлежностью. В результате этноконфессиональная группа меннонитов подверглась разрушению и интегрировалась с основной массой населения, хотя меннониты как тип верующих сохранился. Но культ их все больше принимал немецкую национальную окраску.

В связи с этим идентификация религиозной и национальной принадлежности, совпадавшая в одном конфессиональном понятии "меннонит", стала со временем в Польше представляться в виде идентификации "немец" - "меннонит".

В России собственные представления меннонитов о своей национальной принадлежности были настолько отодвинуты религией и компенсировались конфессиональной принадлежностью, что они не придавали значения тому, как их называют, пока национальный вопрос не задевал их экономические интересы. Эмиграции меннонитов в XIX и начале XX вв. были формой социального и политического протеста против тех законов и порядков, которые вели к разрушению их образа жизни, их сложившейся социальной и экономической системы.

Утверждать, что меннониты в Польской Пруссии до второго раздела Польши онемечились, так же неверно, как и приписывать им то же самое в России. Благоприятные условия для социальной самоизоляции меннонитов создавались их территориальной обособленностью и сельским характером расселения. В Польше меннониты поселялись в неосвоенных болотистых низовьях Вислы, так что поблизости не было не только немецкого, но и польского населения. Селились они компактными группами, колониями. В результате сложилась четко выраженная территориальная граница, которая совпадала с их этнической и конфессиональной границами. В аналогичных условиях оказались меннониты в России, а также в Канаде, парагвайском Чако и других странах Латинской Америки. Они отличались от немцев, поляков, русских, украинцев и других народов, с которыми они соседствовали, характером расселения, религиозной принадлежностью, языком, образом жизни, уровнем социально-экономического развития и особенностями этнического сознания. Для онемечения меннонитов не имелось условий.

Однако процесс "онемечения", вернее "североонемечения", внутри меннонитства в Польше в некоторой степени имел место, поскольку 15-20% их общего состава представляли нижние саксонцы. Но их влияние внутри меннонитских общин было настолько незначительно, что оно сказалось не столько на "онемечении", сколько на общем процессе образования этноконфессиональной общности.

В России процесс незначительного онемечения мог происходить и из других источников. 6 января 1850 г. был зафиксирован раскол в среде меннонитов, вылившийся в образование так называемой меннонитской "братской общины". В культовый комплекс братской общины вошли следующие положения: к хлебопреломлению допускались только принявшие крещение по вере; крещение происходило не в молитвенном доме и не кроплением головы водой, а в реках через погружение в воду и только над лицами, почувствовавшими в себе "возрождение" и "обратившимися к богу". Полное наименование братской общины звучало как "Соединенная христианская крестьянская по вере меннонитская братская община в России".

В молитвенных собраниях складывавшихся общин "братских" меннонитов участвовали батраки из православных русских и украинцев, в результате чего многие из них порвали с православием. Возникает новое, не связанное с тесной этнической замкнутостью прежнего меннонитства, течение - "штундизм" (от нем. die Stunde час; в данном случае от "часов религиозного чтения", устраивавшихся для батраков). Эйлагская община ("братских меннонитов") хортицкой колонии, появившаяся 11 марта 1862 г., чьими первыми руководителями были Абрам Унгер и Корнелий Нейфельд, содействовала появлению штундизма, из которого в пореформенной России развился баптизм.

Братские общины были менее замкнуты, более демократичны. Со временем, в связи с притоком лиц иной национальности, происходило размывание национального колорита и национальной специфики ортодоксального меннонитства. Кроме того члены братской общины, поскольку они относились к менее захиточному слою, не были столь тесно связаны экономическими узами с общиной, как ортодоксы. Братская община медленно, но верно эволюционировала к баптизму. Тем более, что первоначально само меннонитство в Голландии представляло в зародыше баптизм и лишь потом в эмиграции замкнулось в себе. Это утверждение подтверждает факт тесных связей первых английских баптистских церквей с меннонитством.

Меннонитство с самого начала не имело ни общности территории, ни общности языка. Кроме Нидерландов, Восточной Фрисландии, Северной Германии, оно распространилось в Южной Германии и Швейцарии, позднее в Англии, Франции, среди аборигенов Парагвая, Индонезии и других народов. У меннонитов России языком культа сначала был голландский, а к моменту переселения из Польши в Россию, стал вводиться немецкий. Но мыслили и осознают они себя единичными, не на языке культа. Меннониты и их потомки в России общаются на нижне-франкских говорах, бывших родными для их предков в Нидерландах.

При изучении языковой ситуации необходимо различать языки культа и повседневного общения. Неоспоримым является тот факт, что языком культа меннонитов до их переселения из Польши в Россию был нидерландский (голландский) язык, иначе — его южнонидерландский вариант литературного языка, на который была переведена Библия Лиофельта (по фамилии ее издателя, 1526-1542 гг.) и другая религиозная литература. В 1637 г. в Польше для меннонитов Библия была переведена повторно на литературный нидерландский язык с опорой на южнонидерландскую традицию (13). В XVI-XVII вв. небольшая группа нидерландских диалектов начала складываться в самостоятельный нидерландский национальный язык, который окончательно выделился из общегерманского языкового единства. Таким образом эмиграция меннонитов из Нидерландов происходила в тот период, когда еще не было нидерландского литературного языка, его нормы только начинали формироваться.

Сохранив прочные связи с Голландией, меннониты Привисленского Поморья приглашали в свои школы учителей и проповедников из голландских меннонитских общин, пока не были подготовлены такие кадры из собственной среды. Через эти же голландские общины польские меннониты получали религиозную литературу. Но несмотря на это, нидерландский язык так и остался языком культа, не став языком повседневного общения в той исторически складывавшейся этнолингвистической ситу-

ации, т.к. неоднородные группы меннонитов общались на различных диалектах, а соседствующее немецкое население — на "Plattdeutsch" в узком значении этого слова.

Влияние польской культуры и есть то общее, в чем были сходны в той исторической ситуации немцы и меннониты. Реальным проявлением этого влияния стало стихийное проникновение элементов польского языка в жизнь немецких и в меньшей степени меннонитских колонистов.

В Польше меннонитство как социальная организация приобрело не только территориально-компактное, этническое, но и лингвистическое единство. В результате длительного (более 200 лет) процесса смешения в бытовой речи меннонитов нескольких говоров возникло своего рода смешанное разговорное "койна". Однако образовавшийся общий язык в повседневном общении той или иной этнической группы оставался диалектно окрашен.

Меннонитские говоры в Германии не приобрели статус диалекта вследствие эмиграции основной массы меннонитов в Россию и онемечения оставшейся их части в Гданьском Поморье, отошедшей к Германии после второго раздела Польши. Отсюда можно сделать вывод, что говоры меннонитов и "Plattdeutsch" в узком значении этого слова представляли собой не одно и то же. Следовательно, вполне правомерно говорить об образовании разговорного диалекта меннонитов к началу их эмиграции из Польши.

Нельзя также согласиться с утверждением, что меннониты чисто голландского происхождения. Во-первых, потому, что контингент эмигрировавших меннонитов состоял не только из голландцев, но и фламандцев, и фризов, и северных немцев (нижних саксонцев). Во-вторых, сам факт образования из этих групп этноконфессиональной общности отрицает прямую линию этнического развития голландцев, как, впрочем, и любой из названных этнических групп. Совершенно несостоятельной является и та точка зрения, согласно которой "бессмысленно говорить об онемечении меннонитов, поскольку они с самого начала были немцами".

Немецкий литературный язык в качестве культового языка

стал вводиться меннонитами в богослужебную практику накануне их иммиграции из Польши в Россию. Церковное пение и первые проповеди на немецком языке с примесью голландских слов отмечались на рубеже 80-90-х годов XVIII в.

На него, когда он стал внедряться в богослужение, меннониты перевели тексты своих старых песен, общепротестантские стихотворения, использовав для них свои голландские и фламандские напевы, которые были отобраны из песенно-народного фонда. Эти напевы исполняются и поныне не только хором, но и всей общиной.

Замена голландского языка немецким, которой долго (даже и в XIX столетии) сопротивлялись меннониты, была вызвана рядом причин. Основной из них являлось постепенное и прогрессирующее сужение культурных, преимущественно конфессиональных, контактов и связей с Голландией. Происходил процесс разрушения меннонитской обособленности, проводившийся насильственными экономическими и административными методами, путем ассимиляторской политики прусского государства, которая процветала в Восточной Пруссии, что и вынудило большинство меннонитов переселиться в Россию. В 1767 г. в Кенигсберге издается на немецком языке первый сборник меннонитских духовных песен, в который вошли многие тексты, переведенные с голландского, в 1768 г. — меннонитский катехизис.

В России, несмотря на то, что Царское правительство предписало меннонитам вести делопроизводство на немецком языке ("Hochdeutsch") и пользоваться им в официальных сношениях, он так и остался языком культа и не стал их родным языком. Для меннонитских общин в России доставлялась меннонитская литература на немецком языке. Все обучение в школах было переведено на немецкий литературный язык.

В 1871 г. был упразднен "Попечительный комитет об иностранных колонистах в Южной России". Меннонитские колонии были подчинены ведению общих губернских и уездных учреждений. Немецкий язык в официальных сношениях и в делопроизводстве был заменен русским. Меннонитские школы перешли в ведение министерства народного просвещения, а преподавание в них всех предметов, кроме закона божьего и немецкого языка,

в 1886-1888 гг. было переведено на русский язык. В школах изучались немецкий и русский языки, меннонитское исповедание веры, библейская и церковная история, география, элементарная арифметика. Родной их язык (диалект) не изучался в школах потому, что на нем не было создано письменности.

Общепротестантская догма требовала от верующих свободного чтения и толкования Библии, знания религиозных гимнов. В сплочении религиозных меннонитских общин едва ли не первое место отводилось потребности верующих в общении, которая удовлетворялась проведением молитвенных собраний на родном диалекте и немецком литературном языке (чтение Библии). Меннонитские общины с их богослужениями выступали в роли своеобразных очагов национальной культуры.

В досоветскую эпоху состояние развития языка (диалекта) меннонитов оставалось на уровне времен переселения их в Россию. Они общались на понятном им своеобразном диалекте, который, в свою очередь, разделялся на два основных говора. Об этом говорят и поныне сохраняющиеся в рамках единого своеобразного разговорного "койне" отдельные говоры, основными из которых являются так называемый "молочненский" и "хортицкий". На территории Германии до последнего времени эти говоры не сохранились.

В послевоенное время население в подавляющем большинстве уже не владело немецким языком, в лучшем случае читало и переводило со словарем. Более того, немецкий язык ("Hochdeutsch") утратил монополию и как язык культа. В богослужении употреблялось трехязычие: импровизированные, индивидуальные молитвы произносились на том языке, которым более свободно владеет верующий (как правило на диалекте). Проповеди, чтение Библии, декламация стихотворений, пение — на немецком и на русском языках.

Аналогичная картина среди меннонитов наблюдалась в 70-х годах и в Алтайском крае. Там поколение 30-х годов и молодежь не владела свободно немецким литературным языком. В ряде сел, например, в Редкой Дубраве, Равнополе, Отрадном, Подснежном, Шумановке, Константиновке сельчане попросили лекторов выступать на русском языке, поскольку лекции на

немецком им недоступны. Иное дело в селах с немецким населением того же Алтайского края и Казахстана. Когда здесь стали читать лекции на немецком литературном языке, то это получило широкое одобрение и поддержку (А.Н.Ипатов. Меннониты. С.194).

В Александровском районе Оренбургской области лица в возрасте до 50 лет фактически не знали и не знают, за исключением проповедников этого возраста, немецкого языка. В бытовой сфере и производственной деятельности получило постоянную "прописку" двуязычие – родной говор и русский язык. Особое значение имеет сложившаяся языковая ситуация в семье, в которой человек воспринимает первые и важнейшие признаки национальной принадлежности – язык, нравы, обычаи, традиции.

Ныне языком обучения является русский. Наряду с ним в средних школах со второго класса в последнее время изучают немецкий. Ранее немецкий изучался с пятого класса как иностранный. В средствах массовой информации используется русский язык. В повседневном общении тот или иной язык избирается в соответствии с обстоятельствами. При опросе населения на вопрос: "Какой язык Вы считаете родным?" – все опрошенные ответили "Plattdeutsch", т.е. местный диалект "Platteutsch". На вопрос: "Какими языками владеете?" Ответили: "Plattdeutsch" и русский, с трудом изъясняюсь на "Hochdeutsch" (на котором многие вообще не говорят).

Свою речь, в основном представители местной интеллигенции, определяли не как язык, а как диалект. С родителями, с супругами или супругой и детьми местное население общается на "Plattdeutsch". На работе предпочитают общаться по-русски. А на вопрос: "На каком языке опашиваемый чаще говорит, например, в магазине," – все информаторы отвечали: "В зависимости от национальной принадлежности продавца". То есть в этом случае либо по-русски, либо на "Plattdeutsch". В силу уже вступают, как было указано выше, определенные обстоятельства. Преобладающим письменным языком является русский.

Встреча^я немцев за пределами области потомки меннонитов предпочитают общаться на русском языке. Данное обстоятельство связано с интенсивностью овладения ими литературным

немецким языком (Hochdeutsch). Представители местной интеллигенции отмечали, что этим языком они владеют мало и с трудом. Прочее население признавало, что не владеет им вовсе. С местными уроженцами Ризен, ныне уехавшими в ФРГ, произошел характерный случай. Почтенные супруги – пенсионеры обратились к нам с просьбой перевести часть текста из их книги, если кто-нибудь из членов экспедиционного отряда знает английский язык. Однако книга оказалась на немецком. То есть эти люди свой диалект считают немецким языком, а немецкий литературный язык – английским. (И это "онемечение"?!) Газеты, литературу на немецком языке местная интеллигенция читает редко, да и то преимущественно советские издания.

О целесообразности перехода к преподаванию в средней школе всех предметов на немецком языке (Hochdeutsch) существуют совершенно различные, равнозначные по числу опрошенных, точки зрения. Ряд людей считает, что это необходимо, другие – лишь введя такую практику как факультативную. Многие вообще считают данное ненужным. Первые две точки зрения представлены в основном лицами с высшим образованием, которые в количественном отношении значительно уступают прочему населению. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что основная часть жителей деревень относится отрицательно к обучению на немецком языке.

Те, кто предлагает изучать немецкий язык в школах как один из западноевропейских языков, хотели бы уделять больше внимания изучению русского языка, т.к. именно на нем их дети могут получить дальнейшее образование.

Кроме того, как видно из опроса, встречаются (хотя и редко) факты полного незнания диалекта, хотя все опрошенные четко определяли себя по национальности "немцами". Но преимущественное нежелание введения обучения на немецком языке свидетельствует о том, что в определение "немцы" потомки меннонитов вкладывают иной смысл, нежели сами немцы. С отходом от конфессионализма исчезло определение себя по национальной принадлежности как "меннониты". Случай, когда опрошиваемый называет себя "немцем-меннонитом" редчайший, да

и то здесь прибавляется ведущее слово "немец". Также единицами насчитывается определение себя как "немец из Голландии" или "голландец", что указывает на утрату основной массой населения памяти о своем историческом прошлом.

Утеряв какие-либо опорные точки для идентификации своей общности с этнической стороны, потомки меннонитов, чтобы как-то выделиться из окружающей среды, приписывают себя к немцам, хотя отчетливо понимают, что и немцы - не одно и то же. Их от немцев отличают бытовой язык, брачная эндогамность, ранки которой в последнее время быстро размываются.

С разрушением конфессиональных запретов у нынешних неверующих потомков меннонитов отсутствует тот комплекс ограничений, который прежде пропагандировался: запреты употреблять спиртные напитки, курить табак, танцевать, посещать театры, читать книги светского содержания и т.д. Даже визуальные наблюдения приводят к выводу об отбрасывании этих запретов особенно молодым поколением. У священников в домах есть телевизоры и литература светского содержания. Особая одежда как этноконфессиональный признак отошла в прошлое. Она фрагментарно представлена лишь в школьном музее села Хортица. По опросам местного населения отмечаются ныне все светские праздники. Как прежде отмечается только праздник Рождества Христова, который практически заменяет празднование Нового года.

Следует отметить, что пока существует компактность проживания потомков меннонитов и брачная эндогамность, будут жить их язык, быт, культура и традиции, а, следовательно, и сама этническая общность. В основном размывание брачной эндогамности, которое раньше проходило через братские общины, теперь плавным образом исходит от женщин. Они чаще всего создают национально-смешанные браки и покидают прежние места обитания.

Сохранению данной этнической общности способствуют также занятия сельским хозяйством, отсутствие конкуренции в профессиональной области, существование (как это ни парадоксально) общего хозяйства.

В последнее время, как известно, увеличился поток эмиграции советских немцев в ФРГ, среди них и потомков меннонитов.

В обследованном районе процесс реэмиграции достиг значительного размаха, особенно в 1990 году. Вот таблица, составленная на примере трех поселений по данным Хортицкого хозяйства.

Населенные пункты	Всего	Из них	Всего	Из них
	жителей 1988 г.	меннонитов 1988 г.	жителей 1990 г.	меннонитов 1990 г.
1. Хортица	1090	995	1041	660
2. Петровка	1149	1015	1101	315
3. Канцеровка	601	550	373	20

Комментируя приведенные данные, следует отметить, что за два последних года из Хортицы уехала 1/3 потомков меннонитов, из Петровки около двух третей, из Канцеровки - практически все семьи (там находилась братская община).

Имеющие родственников в Канаде эмигрируют туда, надеясь легко адаптироваться к местной меннонитской общине. Молодежь в основном едет в ФРГ, тем более, что это дешевле и легче. Причиной отъезда называют экономическое положение в стране. Едут с надеждой улучшить свою жизнь в экономическом плане. За ними, поскольку потомки меннонитов тесно связаны родственными узами и почитают их, тянутся другие члены семьи, а также многочисленные родственники.

Как выяснилось из разговоров с местными жителями, чьи родственники уже уехали в ФРГ, расселяют их там группами (из-за нехватки земли) в основном в индустриальных районах. Родственники многих жителей деревни Хортица живут в окрестностях Бонна и работают на химических предприятиях. Меняется профессиональная ориентация, рвутся родственные связи (в основном в случаях национально-смешанных браков), утрачивается диалект и традиции. Происходит как бы "спонтанное"

онемечение, что, вероятно, приведет к исчезновению данной оригинальной этноконфессиональной общности.

Хотя и наблюдается медленное снижение количества населения в указанных пунктах Оренбургской области, в целом его численность почти не меняется. Данное обстоятельство объясняется тем, что этнические ниши, образованные уехавшими, тут же заменяются иноэтничным населением. Происходит стремительное изменение национального и конфессионального состава, что может в конечном счете привести к дезэтнизации потомков меннонитов Оренбуржья и вызвать национальную и конфессиональную напряженность в указанной местности.

Быстрой заполняемости "ниш" иноэтничным населением способствуют и экономические обстоятельства. Крепкие хозяйства с большими домами, подворьем и вспомогательными постройками, приусадебным окультуренным участком, живностью и скотом из-за поспешного отъезда, удаленности от центра и плохих дорог продаются оптом за 4-5 тыс. рублей. (Данные за лето 1990 года). Приобретаются они сельским населением из близлежащих областей - татарами, киргизами, казаками и в меньшей степени русскими, которые преимущественно заняты в производственной сфере (например, на химических предприятиях) Оренбургской области.

-
1. А.Н.Чистозвонов. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVII в. М., 1964. С. 327-351.
 2. А.Н.Ипатов. Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессионально общности). М., 1978. С.12.
 3. К.Пиварский. Польские западные земли в историческом развитии. // Польские западные земли. М., 1962. С.63,67-68.
 4. А.Н.Ипатов. Меннониты. С.17-18.
 5. А.Клаус. Наши колонии. СПб., 1869. С.115. Г.Писаревский. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. // Записки Московского археологического института. М., 1909. С.
 6. С.Д.Бондарь. Секта меннонитов в России. Пг., 1916. С.63.

7. А.Клаус. Община-собственник и ее юридическая организация // Вестник Европы. СПб., 1870. Т.1. Кн.2. С.581.
8. Н.Наск. Die Kolonisation der Mennoniten im paraguayischen Chaco. Den Haag, 1961. S.210; E.Francis. In Search of Utopia. The Mennonites in Manitoba. Glencoe (Ill). /"The Free Press", 1955. P.274-275.
9. В.Ф.Крестьянинов. Меннониты. М., 1967. С.128-129; Л.В.Малиновский. Жилище немцев-колонистов в Сибири. // Советская этнография. М., 1968. N 3. С.98; А.Н.Ипатов. Меннониты. С.65-66.
10. А.И.Клибанов. Меннониты. М.-Д., 1931. С.96.
11. "Святая Русь или всенародная история великого Российского государства". М., 1898. Т.1. С.5-6; С.Д.Бондарь. Секта меннонитов в России. Пг., 1916. С.185.
12. Г.Писаревский. Переселение прусских меннонитов в Россию при Александре 1. Ростов-на-Дону, 1917. С.8-9.
13. С.А.Миронов. Становление литературной нормы современного нидерландского языка. М., 1973. С.18.